

вом походе.

Симон, отец нашего автора, который унаследовал от своего брата Жоффруа титул правителя Жуанвиля, принял участие в «крестовом походе» против альбигойцев. Позже он воевал в армии Жана де Бриена в Египте и присутствовал при падении Дамиетты. Его сын мог помнить рассказы отца об этой непростой осаде и сравнивать их с легким взятием Дамиетты войсками короля Людовика IX. Среди прочих воспоминаний его детства могла остаться и та ночь 1230 года, когда Симон оставил замок и поспешил освобождать Труа.

Мальчик еще не достиг совершеннолетия, когда умер его отец. Старший сын Симона был к тому времени мертв, так что Жан стал правителем Жуанвиля. Вдова Симона, женщина, по всей видимости, обладавшая сильным характером, правила владениями, пока ее сын был еще юн, и готовила его к тому времени, когда он станет достаточно взрослым, чтобы возложить на себя обязанности сенешаля Шампани – должность эта принадлежала правителям Жуанвиля вот уже несколько поколений. Кроме отправления правосудия в графстве или контроля за ведением хозяйства в поместье, главной обязанностью сенешаля было присутствовать при своем сеньоре в случае каких-то специальных церемоний и, кроме того, знать, как их проводить с должным уважением к протоколу – как себя подобает вести, какой моде в одежде следовать. Молодой человек, слишком юный, чтобы стать рыцарем, он в 1241 году разрезал мясо на банкетах графа Шампани в большом зале замка Семюр и уже был хорошо знаком с обязанностями своей должности. По прошествии лет его ранняя подготовка к должности сенешаля нашла отражение в его записках, как умение видеть и слышать многие странные вещи во время пребывания на Востоке.

Скорее всего, именно в Семюре де Жуанвиль впервые увидел человека, который оказал такое влияние на его жизнь; но, насколько мы можем судить, тогда у него с королем Людовиком IX еще не установилась та близкая связь, которая возникла, когда они оба участвовали в Крестовом походе. Когда в 1248 году он решил возложить на себя крест, не было никаких сомнений, что решение следовать по стопам предыдущих владельцев Жуанвиля стало решающим фактором его выбора. В то время де Жуанвиль продолжал считать себя вассалом графа Шампани, и его отказ выступать против феодальных обычаев, принося клятву в верности монарху через голову своего сеньора, достаточно ясно говорит о его отношении к королю Людовику IX до того, как они встретились на Кипре. Последовавшие близкие отношения с королем и вдохновили его на эту хронику.

«Жизнь Людовика Святого» разительно отличается по характеру, композиции и содержанию от аккуратного отчета Виллардуэна о 4-м Крестовом походе, написанного, как и подобает государственному человеку. Кроме раздела, в котором излагаются предыдущие события правления Людовика IX, многие детали, как, например, указы короля министрам его королевства, последние слова, сказанные сыну, и горсточка анекдотов, которые Жуанвиль почерпнул из ранних хроник, представляют собой скорее набор личных воспоминаний, чем историю в полном смысле слова. За первой частью повествования, полной иллюстраций благочестия короля и его справедливого правления, следует вторая, которая более или менее подробно излагает историю царствования короля Людовика и его последующей канонизации, что неизбежно ведет ко многим повторениям.

Определенная разница между этими двумя хрониками может быть, без сомнения, списана на то, что ранняя из них создана человеком в расцвете сил, а автору другой было уже далеко за семьдесят. Надо признать, что Жуанвиль порой бывает излишне многословен, что свойственно старикам, и к тому же повторяется. Тем не менее, когда этот ветеран смотрит назад через полстолетия – в те дни, когда он дрался и страдал рядом со своим обожаемым королем, – свежесть и живость повествования о прошлом заставляет забыть о его возрасте. В глубине души он остается тем же преданным и порывистым молодым рыцарем, который в далекие времена отправился за моря. Фактически отличие его работы от хроники Виллардуэна объясняется разницей в темпераменте и широте кругозора этих двух авторов, а не разницей в возрасте.

Не в пример раннему хроникеру, чей труд, стараясь донести политическую важность событий, уделяет внимание лишь тому, что творилось на авансцене, Жуанвиль куда более интересуется влиянием событий на людей, которые принимали в них участие, и рассказывает о том, что творилось за сценой. Поэтому, описывая битву, Жуанвиль, вместо того чтобы, как Виллардуэн, дать общее представление о ее ходе, вводит нас в самую гущу конфликта, показывает ряд мелких инцидентов, влияющих на личности или группы людей, различные реакции тех, кто сражался в этой ожесточенной кампании на Востоке. Если ему случается описывать конференцию, он не ограничивается лишь сообщением о конечном ее решении, и, если Виллардуэн ограничивается лишь